

— В тот день мы действительно пили с Лу Ци, но после попойки разошлись каждый своей дорогой, мы действительно не знали, что потом случится такое, — искренне говорил Цзян Юван Хэ Уцину. Хотя он и не был близок с Лу Ци, они всё же были коллегами, и теперь, узнав о его смерти, он был в смятении.

— Господин Цзян прав, мы действительно не знаем, в чём тут дело, о смерти Лу Ци мы узнали только от вас, — поддержал его Чжао Хэмэн.

Хэ Уцин стоял в кабинете, его лицо было мрачным. Слушая, как эти двое оправдываются, он чувствовал, как голова раскалывается от шума, и с силой поставил чашку на стол, заставив их замолчать.

— Если это не имеет к вам отношения — тем лучше!

Хэ Уцин косо посмотрел на них, и атмосфера вокруг резко стала холодной и суровой.

— Не думайте, что я не знаю, какие добрые дела вы творили все эти годы.

Хэ Уцин, конечно, знал о коррупции в Министерстве податей и местных чиновниках. Каждый год они представляли ему частные отчёты, но он прекрасно понимал, что если бы их проверили, то эти «воды» могли бы затопить всю Столицу Великого Спокойствия. Кроме того, он знал, что в делах с деньгами проблема не в их количестве, а в неравенстве. И эти трое из Министерства податей из-за этого неравенства... вероятно, не были так дружны, как казалось.

Поэтому, отбросив самую простую версию о князе Цзи, он начал подозревать другое...

Но что бы Хэ Уцин ни думал, убийство заместителя министра податей стало сенсацией за несколько дней. К седьмому дню новолуния, когда возобновились аудиенции, это дело естественным образом стало предметом обсуждения в тронном зале.

Император Цинь Юй, как обычно, оставался безучастным, а Чжао Цинфэн, один из главных действующих лиц, без тени смущения наблюдал за происходящим. Однако князь Цзи лично не появился, но его чиновники вели себя так, будто наслаждались ситуацией, постоянно подогревая её.

Хэ Уцин, видя, что дело не может быть замолчано, решил вынести его на всеобщее обсуждение.

— Убийство заместителя министра податей — дело серьёзное. Я считаю, что если просто передать его в Министерство наказаний или Великий суд, это не успокоит сердца чиновников, — Хэ Уцин обратился к Цинь Юю с докладом. Цинь Юй привык к этой формальности и по привычке задал вопрос:

— Тогда, как вы считаете, как следует поступить?

— Я, старый слуга, считаю, что для этого дела следует назначить человека высокого положения для наблюдения и помощи, — Хэ Уцин отвечал императору. В этот момент сторонники князя Цзи, хотя и хотели продолжить провокации, на мгновение не поняли, о ком именно говорит Хэ Уцин.

Цинь Хуань, специально занявший угол в зале, внутренне обрадовался. Как он и предполагал, благодаря его усердия перед Новым годом Хэ Уцин наконец вспомнил о нём. Для него это была и возможность, и испытание.

— Кого же вы имеете в виду под человеком высокого положения?

Кто-то из сторонников князя Цзи не выдержал и спросил.

Хэ Уцин почтительно поклонился и сказал:

— Я долго думал и считаю, что наиболее подходящий человек — это его высочество принц Инь.

Эти слова удивили как сторонников Хэ Уцина, так и князя Цзи. Причина была проста: Цинь Аньпин за последние годы практически не проявлял себя, и никто не ожидал, что Хэ Уцин предложит его кандидатуру.

— Принц Инь уже достиг совершеннолетия, и по традиции ему следует поручить государственные дела. Я осмелюсь нарушить протокол и прошу вашего величества повелеть передать это дело принцу Иню для курирования.

Слова «осмелюсь» все пропустили мимо ушей. Сторонники князя Цзи, хотя и были удивлены, что принц Инь попал в поле зрения Хэ Уцина, сейчас было не время теряться. Для них было важно сначала возразить.

— Принц Инь, конечно, человек высокого положения — но, как вы сами сказали, он ранее не занимался делами, и сразу, с самого начала, поручить ему такое серьёзное дело, как убийство человека, крайне не совсем подходит.

Хэ Уцин, услышав это, как будто ожидал такого ответа, улыбнулся и объяснил:

— Я тоже об этом подумал, поэтому лишь прошу принца Иня курировать, а основным руководителем дела будет другой человек.

— Тогда, пожалуйста, не томите нас, кто же этот основной руководитель?

Чиновник продолжил настойчиво спрашивать.

Хэ Уцин, однако, не стал больше тратить слова на споры с тем чиновником, а обратился к Цинь Юю:

— Человек, которого я рекомендую, вчера вернулся в Столицу Великого Спокойствия и сейчас ждёт за дверями зала. Прошу вашего величества позволить ему войти на аудиенцию.

Цинь Юй, уставший от утренних разговоров, небрежно махнул рукой:

— Пусть войдёт.

Все чиновники, не двигаясь с мест, украдкой посмотрели в сторону двери, желая увидеть, кого же рекомендует Хэ Уцин.

Вошедший был мужчиной чуть за тридцать, с бледным лицом и мягкими чертами, но с ясным и строгим взглядом, и движения его исполнены достоинства.

— Ваш слуга Хэ Вэйцзэ приветствует ваше величество...

Цинь Хуань, глядя на мужчину в тёмно-синем чиновничьем одеянии, преклонившего колени перед императором, прищурился.

— Господин Хэ, это неправильно, вы рекомендуете собственного сына, — кто-то из сторонников князя Цзи не удержался и съязвил.

Хэ Вэйцзэ был родным сыном Хэ Уцина, несколько дней назад отправленным на юго-запад для выполнения поручения, и теперь он вернулся тихо и незаметно. Цинь Хуань мысленно перебирал всё, что знал о Хэ Вэйцзэ, и всё же не смог удержаться, чтобы не бросить взгляд на Чжао Цинфэна.

Чжао Цинфэн, поймав взгляд своего господина, сначала на мгновение смутился, но затем с чувством выполненного долга уставился в ответ.

Отлично...

Цинь Хуань усмехнулся с неопределённым выражением, отчего взгляд Чжао Цинфэна снова смутился.

В то время как эти двое переглядывались из-за появления Хэ Вэйцзэ, с другой стороны из-за того же Хэ Вэйцзэ Хэ Уцин и люди князя Цзи уже затеяли яростный спор.

— Говорят, при рекомендации способных людей не избегают родственников. Мой сын занимает должность судьи в Великом суде, в прошлом году он был отправлен на места из-за особого характера дела, теперь, вернувшись ко двору, чтобы руководить этим делом, что в этом неправильного?

Ранее предложение о принце Ине было неожиданным, и люди Хэ Уцина не успели вставить слово. Теперь, увидев Хэ Вэйцзэ, они наконец поняли намерения Хэ Уцина и один за другим начали яростно выступать, сразу подавив сторонников князя Цзи так, что те не смогли выдать ни слова.

Сторонники князя Цзи изначально получили лишь указание раздуть этот скандал, князь Цзи не выдвигал особых требований, к тому же большинство из них были военными и в словесных перепалках естественно не могли соперничать с такими красноречивыми людьми, как канцлер Хэ.

Таким образом, хотя ситуация была хаотичной, после крайне нетерпеливого восклицания Цинь Юя дело было решено именно так.

Глядя на Цинь Хуаня, который с достоинством подошёл вперёд и вместе с Хэ Вэйцзэ преклонил колени для принятия указа, Чжао Цинфэн не мог не почувствовать холода за спиной, но когда Цинь Хуань обернулся и его взгляд скользнул по нему, он тем не менее сделал вид, что совесть его совершенно чиста.

В тот день после окончания утреннего приёма Чжао Цинфэн хотел как можно скорее вернуться во двор Вэньхун, но едва он вышел из главного зала, как его вызвали в Дом князя Цзи для обсуждения дел, и ему пришлось задержаться ещё на полдня.

Князь Цзи вызывал его не для чего иного, как используя обед познакомить Чжао Цинфэна с несколькими другими своими способными подчинёнными, что символизировало выражение намерения считать его своим человеком. Чжао Цинфэн, помня о своих делах, не мог показать ни малейшего беспокойства, и этот обед дался ему с большим трудом.

А когда он наконец вышел из Дома князя Цзи и вернулся во дворец, была уже вторая половина дня.

— Его высочество отдыхает после полудня?

Во дворе Вэньхун царила мирная и тихая атмосфера зимнего полдня. Чжао Цинфэн обогнул нескольких прислужников, подметавших двор, увидел Дэ До, стоявшего у двери и прислуживающего, и остановился, сначала тихо спросив у него.

— Да, его высочество после утреннего приёма отправился с господином Хэ и молодым господином Хэ в зал совещаний, по возвращении подождал вас немного, а увидев, что вы не вернулись, сам пообедал и лёг спать, — Дэ До подробно рассказал о расписании Цинь Хуаня на утро. Чжао Цинфэн, выслушав, осторожно толкнул дверь и вошёл во внутренние покои.

На столике у кровати в белоснежной вазе всё ещё стояло несколько красных слив, которые ещё не увяли. А под ними небрежно лежала верхняя одежда с узором из облаков, должно быть, Цинь Хуань снял её перед сном и бросил в сторону.

Снова переходная глава~~

Но скоро начнётся псевдо-сцена ревности (□?□)?

Волк-пёс: Ваше высочество, я не виноват, правда...

<http://bllate.org/book/16488/1498225>